

Алла Торопова

ГРАНИ ПАМЯТИ МОЕГО РОДА О ВОЙНЕ

Возможно ли понять, что пережили и кем себя чувствовали после войны люди, выжившие на фронте?... Не знаю, но для меня важно именно понять и перечувствовать, а не просто рассказать то немногое, что я знаю о пути моих близких через войну, просто представить людей на фото—этого мало... Будет «картонная личность» как подпись на надгробии. А ведь эти люди не просто отвоевали месяцы или годы в страшной войне, они сквозь нее прорывались, выросли и любили, теряли иллюзии и прозревали, разочаровывались и уползали в уголок души, где менее больно... Я так думаю или, скорее, чувствую...

О ком я говорю? В моей семье я знала с детства двух мужчин, воевавших на фронтах Великой отечественной войны.

Про одного я знала только по рассказам мамы: это был мой дедушка Яков Васильевич Мальцев (1906–1951). Он умер от боевых ран задолго до моего рождения.

Другого человека – моего дядю Лешу, Алексея Михайловича Суржанских (1922–2007) – я знала и любила с самого раннего детства.

И вот что я чувствую по сей день, когда вспоминаю о них: прожитую ими жизнь, в которой была страшная война и при этом как будто затемнены, закрыты для последующего ясного восприятия её следы. Я думаю, что эти сильные мужчины моей семьи не хотели, чтобы с их именами в памяти рода была связана только война... Почему я так думаю?

Поясню по порядку.

Яков Васильевич Мальцев (1906–1951), из крестьян Западной Сибири, в 12 лет был свидетелем расстрела своего отца Василия Елисеевича Мальцева (моего прадеда) бандитами непонятного политического «цвета», грабившими деревни в промежутках между сменами власти в 1918 году.

Мой прадед в свое время был избран первым Председателем сельского совета для сохранения жизни села и людей в перипетиях проходящей гражданской войны. Он был там самым грамотным, работающим, сильным и уважаемым человеком. Таковы воспоминания моих прабабушек, бабушек и тетушек, которые могли описать «событийно» как это проходило и проживалось... Это они закапывали в огороде знаки отличия одного из мужчин семьи, который был младшим офицером царской армии и вернулся в деревню в 1918 году. Тем самым его пытались уберечь от «зачисток» какой-нибудь властью... Это они, не понимая что происходит, пытались уговорить очередных поборщиков не забирать все запасы для будущих посевов, хотя бы забрать не все... Для защиты своей деревни переговоры с промышленными бандами, продовольственными отрядами и бог знает с кем еще и должен был вести от имени всего села Василий Елисеевич. Показательно на «лобном месте» эти «НЕКТО» расстреляли самого сильного и делегированного говорить от имени жителей села человека. Это был мой прадед, расстрелянный на глазах у своего двенадцатилетнего сына, моего деда, Якова.

Яша Мальцев вырос несмотря ни на что. Он очень хотел учиться. Отличительной чертой в роду моих предков была тяга к учению. Реально возможностей к обучению было мало: надо было работать, содержать семью, на попечении подростка оставались мать и сестры (Анисия и Саломея). Позже еще и жена Анфея Федоровна, и первая дочь – моя мама Руфина Яковлевна.

Имена моих родственников с детства завораживали меня своей какой-то античной глубиной и несовременностью: Елисей, Саломея, Анисия, Анфея, Иаков... Позже поняла, что влиял и библейский именовник. Узнала, что были они из староверов Сибири, но не ушедших вглубь, а пытавшихся адаптироваться и созидать жизнь «на миру».

«На миру» многим мужчинам в роду выпало иное: встреча с Той, которая может и оказалась «красна», но несвоевременна и несправедлива.

После того, как в 1934 году родилась моя мама, семья переехала в маленький районный городок Исетск, куда Яков Васильевич был приглашен на работу, и где он смог продолжить заочное обучение по юридической специальности.

Я дедушку не знала и не могла знать.

Даже мама мало знала своего отца. Он умер от последствий боевых ранений, когда его дочери (позже моей маме) было 17 лет. Моя мама помнила своего отца и чувствовала его присутствие всю жизнь. Весь комплекс моих сложных переживаний о военном времени и родных людях в этом времени я получила в наследство от неё. Я смотрю на фото деда сразу двумя парами глаз, мамиными и моими. Глазами его дочери – осязающей его чувства и несказанные слова непосредственно, безусловно помнящей его запах и руки, поднимающие ее маленькую высоко над головой. Но одновременно я могу и отделиться от восприятий моей мамой ее отца, всё-таки я была свободнее от гнета сложившихся в её душе когда-то воспоминаний об отце. Благодаря маминой любви к своему отцу я глубоко чувствую его духовную

Яков Васильевич
Мальцев

силу, принятую его дочерью и пронесенную ею через жизнь, как сгусток сплетенных вместе любви, воли и какой-то глубокой интеллигентности.

В доме кроме книг, принесенных из библиотеки, и минимальной утвари, почти ничего и не было. Так помнила моя мама. Из этого дома Яков Васильевич и ушел на фронт...

Снова он появился дома через несколько месяцев совсем другим человеком после ранения и лечения в госпиталях: истощенным, больным, черным, высохшим. С ним уже нельзя было играть и шалить, у него не было ноги и сохла рука.

Мама говорила, что она стала бояться отца. Он стал задумчивым и неразговорчивым, мамина мама объясняла это болью от тяжелых ран и туберкулеза, полученного в окопах.

Через несколько лет после войны он умер. Я думаю, что он чувствовал глубокую несовместимость того, что он видел на фронте и не только... с жизнью... Слишком много смертей с самого детства и до своих 44 лет.

Другой яркий мужчина моего рода был тоже фронтовиком, это мой дядя Леша – Алексей Михайлович Суржанских (1922–2007). Его я знала с детства и любила самозабвенно! Причем, о том что он воевал и при каких обстоятельствах смог создать такую светлую и гостеприимную семью, я узнала много позже, уже во взрослом возрасте. Он тоже никогда не говорил о войне и не вспоминал о ней НИЧЕГО! Он просто был лучшим – сильным и смелым, веселым и дерзким, азартным коневодом и наездником–победителем всевозможных заездов «на рысаках» в приуральском уезде. О том, что у него, как и у его жены, Анастасии Николаевны Тороповой, и её семьи (семьи моего папы), была сложная жизнь, я в детстве и не догадывалась, настолько безоблачным было всё время, проведенное у них. Я гостила лет с шести у них каждое лето по два-три месяца, а иногда и в зимние (весенние и любые другие) каникулы вплоть до старших классов школы. Можно сказать, что благодаря семье дяди Леша у меня было настоящее счастливое детство, с походами по лесам, игрой в индейцев, заездами на лошадях, пением песен по вечерам и множеством редких книг. Я стала постепенно запойным книголюбом и по-пути – картежником (дядя Леша научил играть в разные азартные игры).

Что я знаю о военном пути моего дяди Леша? Не много.

Но это интересно.

Суржанских Алексей Михайлович. Родился в Пермской губернии на Урале. Ушел в Армию в 1939 году в десантные войска, служил в Благовещенске, воевал в Монголии. Когда там война закончилась, воздушно десантную бригаду, в которой служил Алексей Михайлович, перевели на Украину в город Вознесенск. Когда началась война, 212-я воздушно десантная бригада под командованием И. И. Затевахины защищала Киев. В составе этой бригады в одном из боев Алексей Суржанских был ранен, но выжил, лежал в госпитале в г. Сталин (теперь Донецк). Был комиссован в августе 1942 г. и вернулся на Урал. Ему было двадцать лет, и он вернулся с фронта после ранения. Вернувшись в родные края, он познакомился с моей будущей тетей–Анастасией Николаевной Тороповой. Несмотря на войну люди так же, а скорее всего и острее, влюблялись...

16 декабря 1942 г. Алексея Суржанских снова призвали на фронт, и в этот раз его провожала и потом ждала его любимая невеста Анастасия. Отправили его на Калининский (Прибалтийский) фронт. В бою за Великие Луки в составе подразделений Третьей ударной армии Алексей Суржанских был тяжело ранен, так, что попал в список погибших... Ему было только двадцать лет. Молодой невесте пришла похоронка, и с тех пор она хранилась у нее всю жизнь! Анастасия жила и работала, была старшей из оставшихся семи детей в семье, мой папа, тогда 6-7 летний, позже рассказал, что благодаря её заботам все дети выжили во время войны, все пять братьев и еще одна младшая сестренка.

А через полгода Алеша Суржанских вернулся домой. После второго призыва на другую войну, после похоронки, после полугодового оплакивания... Они стали семьей и прожили вместе 65 лет! В 1944 родился их сын, мой любимый двоюродный брат Валерий Алексеевич. В военной неразберихе с документами дядя Леша так и остался в списках погибших. Его фамилия высечена на памятнике погибшим в боях за Великие Луки. На 60-летие Победы Алексей Михайлович с женой и другими ветеранами ездил к себе «на могилу». Смеялся потом: «Буду долго жить, раз похоронили так рано».

Суржанских Алексей Михайлович, по рассказам его жены Анастасии и родственников, был красивым и отчаянным парнем. Но после войны многие фронтовики, видевшие смерть очень близко, не выдерживали уже чего-то другого: то ли «невыносимой легкости» повседневности, то ли фальши тыловых структур (контраста между ожиданиями и реальностью), то ли гнета воспоминаний, навязчивых образов кровавых боев... и, чего скрывать, пили и сильно. Алкоголь – доступная анестезия нестерпимой боли. (Это очень хорошо показано в фильме «Сошедшие с небес» в лице главного героя, сыгранного Александром Абдуловым.) Это продолжалось более 10 лет и его жена, моя тётя Тося буквально «спасала» его, видимо надеясь на чудо. И оно снова произошло, как и всё в их сказочной паре.

Дядя Леша прекратил самоуничтожать себя в один день, как рассказывали они позже, просто решил что хватит, довольно... Я думаю, что в тот поворотный момент у него произошел выбор между тем, чтобы оставаться лишь случайно «выжившим» в мясорубке войны (и даже похороненным!!! Как бы не существующим по-настоящему...), и тем чтобы быть «живущим» – то есть созидающим, радующимся, соревнующимся, остроумничающим, приветливым, щедрым, светящимся... Таким я его увидела, узнала, запомнила и полюбила навсегда, таким он был до последних дней, когда я всё реже, уже взрослая, встречалась с этой неразлучной парой Алексеем Михайловичем и Анастасией Николаевной Суржанских. Он действительно прожил долго, как и предрекал себе после похоронки и посещения своей «могилы» и до последних дней его любимая Анастасия называла его «мой метеор»... Видимо не только за скорость решений и действий, но и за свет как у небесного тела, скользящего по небосклону...

Алексей
Михайлович
Сурханских

Я хорошо помню Алексея Михайловича и люблю до сих пор. Он тоже не любил рассказывать о войне, нервы не выдерживали, наворачивались слезы. И точно знаю, что им бы не понравились «ряженные» в квази-военизированные костюмы потомки, особое отчаяние вызывали бы дети детсадовского возраста в камуфляже.

Для меня их чувства, их память, их личности – это сильнейший сгусток энергии, внутренний огонь, который передан мне и не только биологически через общие гены, но и через их способ проживания жизненных обстоятельств – всей запутанности и непереносимости того, что пришлось пережить... И этот огонь побуждает к жизни подлинной, своей во всем, а не «ряженой» имитации того, что не пережито...

Светлая память Якову Васильевичу Мальцеву и Алексею Михайловичу Суржанских – светлым личностям и сильным мужчинам из моего рода, прошедшим через страшную войну.

31.05.2020

